

12+

АМАЛИЯ РИГЕР

Дар или Проклятие

ПЛАТОН

Амалия Ригер

Дар или Проклятие. Платон

«Издательские решения»

Ригер А.

Дар или Проклятие. Платон / А. Ригер — «Издательские решения»,

Дар и проклятие — не два состояния. Это одно, показанное с разных сторон. То, что бережёт тебя всю жизнь, однажды выставит счёт.

Содержание

ДАР ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ	6
История третья	6
ПЛАТОН	7
Амалия Ригер	7
Перед первой историей	8
Амалия Ригер	9
Девять	10
Живые	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дар или Проклятие Платон

Амалия Ригер

© Амалия Ригер, 2026

ISBN 978-5-0071-2872-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДАР ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ

История третья

ПЛАТОН

Амалия Ригер

Тем, кого не знал, но попытался простить.

Я не простил. Я попытался. Это всё, что было в моих силах.

«Я просил спасения — мне дали силу».

Перед первой историей

Есть люди, которым дано больше, чем они просили. Это не награда.

Их узнают рано. Не по лицу — по тому, что вокруг них случается то, чего не должно.

Таких принято называть одарёнными. Слово доброе, тёплое, с ним не страшно. Оно врёт.

Дар и проклятие — не два состояния. Это одно, показанное с разных сторон. То, что бережёт тебя всю жизнь, однажды выставит счёт.

Я не искала его. Он просто был там — на кладбище, куда я пришла по своему делу. Шестнадцать лет. Не потерянный ребёнок — волчонок, уже дома среди чужих могил. Он не встал, когда я подошла. Не отвёл глаз. Назвал меня старой каргой — так, чтобы я ушла. Я не ушла: меня обдало волной, какую прежде я знала только от больших Мастеров — старых, прошедших свой путь до конца. А держал её мальчишка на чужой могиле и ещё не знал, что держит.

Человек, чью историю ты сейчас прочтёшь, работает не только с мёртвыми, но и с теми, чьи имена лучше не называть. Ему почти сорок. Он зовёт меня матушкой — тот, кто в шестнадцать назвал меня старой каргой. Я готова придушить его — и в ту же минуту восхищаюсь им. Я ему завидую: он может то, чего я себе не позволяю. Иногда мне кажется — по его венам течёт чёрная кровь.

Я не буду объяснять тебе, что течёт в его крови. Я не знаю. И он не знает — хотя платит за это живым.

Я только назову вопрос, на который у этой книги нет ответа. Дар или проклятие. Отвечать будешь сам. Он уже ответил — тем, что не склонил головы.

Амалия Ригер

Кровь, которой нет

Я не помню своих родителей. Ни лиц. Ни голосов. Ни запаха. Их не стёрли из памяти — их там не было никогда.

Я не знаю своей крови. Кто во мне течёт, чья кровь меня пометила — не скажет никто. У других есть род. Фамилия. Могила. Лицо на стене. У меня — пустое место там, где у людей начало.

Мне говорили: сирота. Сирота — тот, кто потерял своих. Мне терять было нечего. Меня не бросили. Меня не завели.

Имени мне не дали. Дали кличку. Выродок. Чёрный. Никто.

Я назвал себя сам. Не спросил. Не попросил. Не стал ждать, пока назовут. У людей имя — то, что дали. У меня имя — то, что взял. Платон. Я так решил. Я так сказал. Больше меня никто не звал по-другому. Только матушка зовёт матушкой своё. А имя — моё. Единственное, что моё с самого начала.

Имя у людей — то, что им дали. У меня — то, что я взял.

Девять

В ту ночь меня избили и заперли. Мне было девять.

Не в первый раз били. В первый раз — так. За волосы. За кожу. За то, что чёрный. За то, что молчу, когда надо скулить. А потом — дверь. Темнота. И я с тем, что со мной сделали, один на один, без выхода.

Тело не могло уйти. Дверь заперта снаружи. Боль — изнутри. Уйти было некуда.

И тогда я закричал. Не голосом — голос бы никто не услышал, да и незачем. Я закричал всем, что во мне осталось. Чтобы кто-нибудь пришёл. Чтобы забрали. Куда угодно.

✱

Пришли не за дверью. Пришли внутри.

Воздух изменился. Стал гуще. Плотнее. Я его почти видел. И по телу разлилось спокойствие. Облегчение, какого я не знал ни до, ни от людей никогда.

Тогда я не понял, что это. Понял позже. Не раз. С таким облегчением умирающий оставляет этот мир.

Мне было девять, и в запертой комнате мне впервые стало легче. Легче стало не оттого, что кто-то спас. Оттого, что рядом встала смерть — и не тронула. Забрала боль. Меня оставила. С тех пор я знаю, где покой. Он не среди живых.

Я знаю, где покой. Он не среди живых.

Живые

Живой человек всегда чего-то хочет. Это я понял раньше букв. Раньше счёта.

В детдоме у меня был номер. Вещи под номером. Кровать под номером. Я под номером. Того, кто под номером, не любят. Его считают.

Кормили по часам. И едой же наказывали — оставить без ужина было у них главным словом. Я рано понял: еда — это власть. Кто кормит, тот держит.

Второе понял позже, но крепче. Живой всегда придёт за своим. Старший — за страхом. Воспитатель — за послушанием. А кто сегодня пожалел, тот завтра встанет над тобой и будет ждать спасибо. Жалость даётся в долг. Её потом собирают. Даром не жалеет никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.